

Маркевич Болеслав Михайлович

**Чад жизни. Драма в 5
действиях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Чад жизни. Драма в 5 действиях / Маркевич Болеслав Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 125 с.

ISBN 978-5-519-95443-3

ISBN 978-5-519-95443-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Многоуважаемая Марія Гавриловна,

Выраженное Вами мнѣ желаніе и чаяніе что «роль Ольги Елпидифоровны Ранцевой станетъ лучшею ролью Вашего репертуара» окончательно побудили меня передѣлать для сцены одинъ изъ главныхъ эпизодовъ моего романа *«Переломъ»*. Сильный Вашимъ поощреніемъ, я принялся съ любовью за работу, читалъ Вамъ мою драму актъ за актомъ, и благодарно и послушно руководился при этомъ Вашими исполнѣ артистическими и драгоценными для меня съ технической стороны указаніями. Нѣкоторыя даже замѣчанныя мною мѣстами въ піесѣ длинноты я счелъ нужнымъ оставить въ цѣлости въ виду замѣчанія Вашего, что «урѣзки могутъ быть полезно дѣлаемы только на репетиціи, когда самый процессъ исполненія и сценическое чутье исполнителей укажутъ съ достодолжной вѣрностью—*гдѣ и что именно* должно быть исключено, или даже измѣнено для успѣшнѣйшаго хода и интереса піесы.

Драма моя должна была идти въ Вашъ бенефисъ и уже этимъ самымъ привлечь на первое представленіе ея воспитаннѣйшую и просвѣщеннѣйшую часть нашей публики...

Лица, которымъ ввѣрены нынѣ судьбы русскаго театра, рѣшили иначе: — драма моя была «отвергнута» литературно-театральнымъ комитетомъ.

Но, неисправимый оптимистъ, я вѣрю, что существующіе

нынѣ для постановки на Императорскую сцену піесъ порядки долго продолжаться не могутъ и что на нихъ обратятъ, наконецъ, серьезное вниманіе тѣ кому объ этомъ вѣдать надлежитъ. Придетъ часъ, и онъ быть можетъ близокъ, когда для добронамѣренныхъ писателей станетъ возможенъ доступъ къ этой сценѣ. Когда настанетъ этотъ часъ, Вамъ будетъ дано исполнить роль желанную Вами, а мы въ числѣ безчисленныхъ поклонниковъ Вашихъ восторженно рукоплескать Вамъ въ ней.

Позвольте пока покорнѣйше просить Васъ принять посвященіе Вамъ произведенія, которое безъ Вашего рѣшающаго вызова никогда, по всей вѣроятности, не увидѣло бы свѣта.

Глубоко уважающій Васъ

Б. Маркевичъ.

И А ДЪ Ж И З Н И.

ДРАМА ВЪ 5 ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Займствована изъ романа *Переломъ.*)

Р. М. МАРКЕВИЧА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елпидифоръ Павловичъ Акулинъ, отставной частный приставъ.
Ольга Елпидифовна Ранцева, дочь его.
Никаноръ Ильичъ Ранцевъ, камеръ-юнкеръ, бывшій армеецъ.
Графъ Леонидъ Александровичъ Наташанцевъ, большой чинъ Двора.
Владиміръ Петровичъ Ашанинъ, московскій молодой человѣкъ.
Князь Василій Михайловичъ Шастуновъ, гусарскій офицеръ.
Княгиня Аглая Константиновна Шастунова, мать его.
Баронесса Надежда Ѳедоровна Фицгеймъ, свѣтская особа.
Анфиса, экономка Акулина.
Стороженко, ходатай по дѣламъ.
Терхарианцевъ, армянинъ, купецъ.
Докторъ Опрсовъ.
Федька, слуга Акулина.
Даша, горничная Ранцевой.
Алексѣй, слуга въ гостинницѣ.
Слуги.

Дѣйствіе въ 1, 2, 3 и 5 дѣйствіяхъ происходитъ въ Москвѣ, 4— въ Петербургѣ. Между 4-мъ и 5-мъ дѣйствіями проходитъ полтора года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ Москвѣ, въ домѣ Акулина (во второй половинѣ августа).
Кабинетъ Акулина. Вправо отъ зрителя входная двустворчатая дверь. По той-же сторонѣ венеціанское, раскрытое окно. По лѣвой отъ зрителя сторонѣ едва замѣтная, оклеенная обоями подъ стать стѣнамъ комнаты (желательно краснаго цвѣта), небольшая дверь въ комнату Анфисы; за нею другая, двустворчатая дверь. На заднемъ планѣ, прямо противъ зрителя, отдѣляющаяся на кольцахъ занавѣсъ во всю высоту, отдѣляющая кабинетъ отъ алькова — спальни хозяина. Стѣны комнаты покрыты картинами въ потускнѣвшихъ рамахъ. Мебель сборная, цѣнная, всякихъ эпохъ и формъ; по правой рукѣ отъ алькова большой баюють старинной рѣзбы; на немъ всякія вазы, фарфоръ и кубки; по лѣвой — невысокій шкафъ, на которомъ графинъ съ водою, рюмка и нѣсколькихъ аптекарскихъ стѣляночекъ. Между дверями лѣвой стороны еще шкафъ (или старинный письменный столъ съ этажерками), на которомъ стоятъ бронзовые часы style Empire. Посреди сцены небольшая кушетка, кресло и довольно большой столъ на ножкахъ. Кромѣ того, еще нѣсколько креселъ и легкихъ стульевъ. Комната должна вообще носить характеръ нагроможденности и артистическаго безпорядка мастерской художника.

При поднятіи занавѣса Анфиса, женщина лѣтъ 28-ми, повязанная шелковымъ платкомъ по головѣ, въ шелковой кофтѣ старо-купеческаго покроя, съ выбивающимися изъ плечевыхъ отверстій, широкими и подобранными рукавами бѣлой сорочки, стоитъ на порогѣ алькова въ глубинѣ сцены. Занавѣсъ отдернута и зритель можетъ видѣть за нею большое кресло на колесахъ, въ которомъ спитъ Акулинъ, громоздкій человекъ лѣтъ 55-ти, съ большою пуховою подушкой за спиною и другой съ лѣвой стороны, на которой лежитъ недвижно его парализованная рука.

СЦЕНА I.

Анфиса (*одна*). Умаялся наконецъ, заснулъ... А то, думала, и конца этому не будетъ (*задерживаетъ занавѣсъ и выходитъ на сцену*). «Чего ея, дочери, до сихъ поръ нѣтъ»? А почему я знаю! Можетъ и вовсе пріѣхать не захотѣла... Хнычетъ, ноетъ... Ажъ истомилъ всю!... А тутъ опять тотъ придетъ, Степа,—сказывалъ, будетъ сегодня,—ножомъ къ горлу пристанетъ: «исполни», скажетъ... Исполни! Петлю онъ мнѣ, дьяволь, на шею надѣлъ,—вотъ что! Разъ легко на такое дѣло рѣшиться?.. (*оборачивается на шумъ шаговъ въ глубинѣ сцены*) Вотъ онъ самъ и есть!...

СЦЕНА II.

Анфиса и Стороженко.

Стороженко (*осторожно оглядываясь*). Анфиса Дмитриевна!...

Анфиса (*дѣлаетъ ему знакъ рукой*). Тише, тсс!...

Стороженко. Что это, спитъ?

Анфиса. Започивалъ только.

Стороженко. Дочку его ждете?...

Анфиса. А ты ужъ знаешь!

Стороженко. Оедьба сейчасъ въ передней сказывалъ... (*мрачно*) По телеграммѣ, по докторской, значить?

Анфиса. Стало быть! Вчера отъ нея отвѣтъ полученъ. «Буду-молъ, завтра, радуюсь увидѣть»... Я тебѣ говорила: все равно, вторую пошлетъ, какъ еслибъ на первую молчекъ...

Стороженко (*озираясь*). Какъ же вы теперь думаете (*не договариваетъ*)...

Анфиса. Чего это? .

Стороженко. Сами понимать должны.

А н ф и с а (*тоскливо*). Ты на счетъ все того же...

С т о р о ж е н к о. А то какъ еще!...

А н ф и с а (*со взрывомъ*). Ахъ, лукавая твоя душа; мало тебѣ, воръ ты этакой, что изъ-за тебя я совѣсть потеряла, благодѣтелю моему, замѣсто благодарности, обманомъ заплатила... а ты еще...

С т о р о ж е н к о (*не давая ей продолжать, ядовито*). Какому «благодѣтелю-то»? Хапугѣ этому полицейскому, что васъ пять лѣтъ духомъ и тѣломъ къ крѣпости держалъ! Такъ такого «благодѣтеля» по Владиміръгѣ погнать стоитъ, а не то что...

А н ф и с а (*перевивая*). Оставьте! Каковъ для другихъ—не знаю, а для меня благоволительный былъ господинъ завсегда. Покудова съ тобою не связалась, какъ за кремлемъ каменнымъ жила за нимъ, что лучше не надо женщинѣ.

С т о р о ж е н к о (*хихикая*). Это и точно:—помереть, такъ вы, почитай, нищая изъ дому изъ его этого выйдете, когда у него, чорта старого, тутъ (*киваетъ на баятъ въ глубинѣ сцены*) тысячь, можетъ, сто денегъ лежить.

А н ф и с а (*невольно*). Побольше будетъ.

С т о р о ж е н к о. Вотъ видите!... И все это его богатство, значить, законной наслѣдницѣ, дочери, перейти должно... А у нихъ у самихъ съ мужемъ деньги куры не клюютъ. (*Тише, близко подходя къ ней*) И про деньги эти отцовскія она ничего даже и не знаетъ,—сами вѣдь сказывали вы.

А н ф и с а. Окромя меня и никто не знаетъ: ото всѣхъ скрывалъ...

С т о р о ж е н к о (*горячимъ шепотомъ*). Чего-же вы смотрите! Аль и впрямь счастья своего не желаете, и всѣ ваши слова любовныя обманъ одинъ?... Такъ я этого терпѣть болѣе не хочу... За тѣмъ и пришелъ, чтобы сказать вамъ... Измаялся я отъ этого характера вашего заячьяго? Какъ если вы и сейчасъ не согласны будете, — Богъ съ вами, за двадцать тысячъ верстъ отъ Москвы уѣду!...

А н ф и с а (*вскрикивая*). Куда это?

Стороженко. Въ Туркестанскомъ краѣ суды новые открываются, — мѣсто тамъ получить мнѣ можно.

Анфиса. Вѣдь это гдѣ-жъ, въ Азіи никакъ, Степа?...

Стороженко. Говорю: тысячь двадцать верстъ отселева будетъ.

Анфиса (*заламывая руки*). Степа, для чего-же это ты те-перича меня мучаешь? Совѣсть у тебя гдѣ?...

Стороженко (*перебивая*). Эхъ, Анфиса Дмитриевна, что намъ все эту старую канитель тянуть! Какъ если бы дѣйствительно у насъ съ вами было тысячь 70, 80, больше не надо, — поженились бы мы въ тотъ-же часъ, хуторочекъ-бы себѣ *пидъ Пилтавою*, на родинѣ моей, аль на Сулѣ купили, «садокъ вишневій колохаты», да и сховались бы тамъ отъ всего свѣта, голубоньга моя!... (*Нужно обнимаетъ ее.*) А вотъ какъ въ карманѣ нѣтъ ничего, — лучше врозь, чѣмъ сердце себѣ только дармо терзать!...

Анфиса (*очень возмущенно*). Ахъ, не слушала-бъ я никогда эти рѣчи твои змѣиные! Душу ты мнѣ всю вымоталъ, мучитель ты мой, злодѣй!... (*сильное колебаніе*) Какъ-же я, самъ посуди, шкафъ-отъ этотъ отворю, когда ключъ у него на шеѣ, съ крестомъ на цѣпочкѣ, виситъ?

Стороженко (*шепотомъ*). А развѣ снять нельзя и съ цѣпочкой? Спать онъ вѣдь. Все въ вашихъ рукахъ сейчасъ... и мы съ вами на вѣкъ счастливые... (*Занавѣсь алькова слегка волнуется будто отъ прикосновенія чьей-то руки.*)

Анфиса (*съ ужасомъ*). Да что ты ошалѣлъ, что-ли, чтобъ я теперь, *сейчасъ* хочешь?...

Стороженко. А чего-жъ время-то упущать! Мало еще его потеряли?... Послѣ этого его удара, сами знаете, — заснетъ, такъ хоть изъ пушекъ подъ ухомъ пали, не услышитъ... Минута одна вѣдь: цѣпочку сняли, шкафъ отперли... потомъ опять на него надѣнете, — и не узнаетъ николи... Я тутъ постерегу у дверей...

Анфиса (*въ сильномъ волненіи*). Да развѣ это возможно,

діаволь ты, коли дочку его, Ольгу Елпидіфоровну, съ минуты на минуту ждаты сюда надо. Мужъ когда еще за нею поѣдетъ.

Стороженко (*указывая на часы*). Не будетъ она сегодня: первый часъ на исходѣ, видите! Какъ бы если пріѣхала, давно-бъ ей здѣсь надо быть... Ступайте... говорю, одна минута всего.

Анфиса (*отчаянно*). Не могу... что хочешь дѣлай, не могу!..

Стороженко. А не можете—такъ прощайте... Пропадай все пропадомъ!... (*Хочетъ идти.*)

Анфиса (*кидаясь за нимъ*). Степа, куда-же ты? Господи, такой грѣхъ на душу принять!..

Стороженко. На свою примаю, на свою... (*Указывая на альковъ*) Ступайте, коли любите!..

Анфиса. Ахъ ты мой мучитель, мучитель!... (*Идетъ, шатаясь, къ алькову. Стороженко крадется на цыпочкахъ за нею. Она вдругъ останавливается*). Слышишь, идутъ... Они,—пріѣхали!... Уходи ты скорѣе, уходи!..

Стороженко (*злобно*). Ахъ, чтобъ васъ всѣхъ!..

Анфиса (*тревожно*). Черезъ мою свѣтелку ступай,—нечего тебѣ ей въ глаза попадаться (*идетъ за нимъ къ двери въ ея комнату*).

Стороженко (*на порогъ*). Глядите-же: можетъ, ночью случай выйдетъ.. Я зайду завтра навѣдаться... А боли вы опять на попятный, такъ и знайте: не видать вамъ меня въ жизнь.

Анфиса. Да уходи ты, діаволь, уходи!... (*Вталкиваетъ его въ свою комнату.*)

С Ц Е Н А III.

Анфиса и Ранцевъ (*быстро входятъ*).

Ранцевъ (*радостно Анфису*). Жену привезъ... Что ба-тюшка?

Анфиса (*подавляя волненіе*). Только—только започивали...

Маялись все, ожидаючи Ольгу Елпидиоровну, безпокоились, что онѣ и вовсе не прїѣдутъ, или что, не дай Богъ, съ поѣздомъ случилось...

Ранцевъ. Прїѣхала, прїѣхала благополучно, во-время... Только, знаете, пока тамъ въ гостинницѣ устроилась... ну, и туалетъ этотъ ихъ дамскій, какъ вамъ извѣстно... (*Смѣется.*)

Анфиса. Въ гостинницѣ? Для чего-жъ онѣ у насъ не пристали? Комнаты имъ, сами изволили видѣть (*указываетъ на дверь рядомъ съ дверью въ ея комнату, по лѣвой сторонѣ*), рядомъ съ вашею приготовлены. Самъ Елпидиоръ Павлычъ устраивали. Что лучшаго у насъ въ домѣ изъ небели и прочаго—перенести туда велѣли.

Ранцевъ (*смутно*). Знаю, Анфиса Дмитриевна, знаю, бонбоньерку ей настоящую уготовилъ, чего ужъ лучше... Только, знаете,—барыни: у нихъ также свое... Все-же, говорить, не у себя буду, не хозяйка.

Анфиса (*протягивая*). Та-акъ-съ! (*минута молчанія*) Чѣмъ-же это онѣ у отца роднаго, да не хозяйкою будутъ?.. Если онѣ, къ примѣру, на счетъ меня, можетъ, сумлѣваются, такъ вѣдь это напрасно, сами знаете, Никаноръ Ильичъ, потому хотя я изъ купецкаго званія, а все та же слуга у папеньки у ихняго и завсегда у нихъ въ покорности оставаться должна.

Ранцевъ (*постынно*). Что это вы, помилуйте, Анфиса Дмитриевна, она нисколько... Такъ, знаете, своевольице свое дамское... Привыгла въ Петербургъ, да за границей, чтобъ на полной своей волюшгѣ, ничѣмъ не стѣсняясь.

Анфиса (*оглядываясь*). Такъ гдѣ-же онѣ теперича? Вы изволите говорить, прїѣхали онѣ...

Ранцевъ. А она тамъ въ гостинной на картины залюбовалась... Я побѣжалъ впередъ,—думалъ предупредить батюшку, чтобъ не взволновался онъ нечаянностью... Да вотъ и она!.. (*Идетъ навстрѣчу появляющейся изъ входныхъ дверей женщ.*)